

Игорь Померанцев

ПОЧЕМУ СТРЕКОЗЫ?

Мама моя,
потрауица,
проданье
моё "Красное
ухо".

И. П.
мзончем

Игорь Померанцев

ПОЧЕМУ СТРЕКОЗЫ?

ББК 83
П 55

П 55

Померанцев Игорь. Почему стрекозы? — Ugb1: Литературный альманах.
Выпуск двадцатый. — СПб.: АО «Журнал „Звезда“», 1999. — 136 с.

ISBN 5—7439—0052—3

Почтовые адреса редакции:

Россия, 198005, СПб., а/я 69;
Россия, 603043, Нижний Новгород,
проспект Кирова, 4, кв. 9, Кириллу Кобрину

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 062572 от 15 июня 1998 г.

Издательство «Журнал „Звезда“»
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 20.

Подписано в печать 28.04.99. Формат 60х90/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,5. Тираж 500 экз. Заказ № 125

Типография АООТ «ВНИИГ им. Б. Е. Веденеева».
195220, Санкт-Петербург, Гжатская, 21.

ISBN 5—7439—0052—3

© Игорь Померанцев, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

Только-только вернулся от директора 9

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ФОРМАМ И ПОВЕРХНОСТЯМ

Первое письмо	13
Смерть в Англии...	15
Иногда всё-таки хочется...	16
Это было событие...	17
Сестра пишет сестре	18
Выбор дома	19
Харканье, кашель, хрип...	20
В соборе в Равенне...	21
Поцелуй в Люцерне	22
Возвращение дракона	23
Жизнь здесь шершавая...	26
Я поцеловал ее...	27
Молодой учитель	28
Баллада о второгоднице	29
Мечта по вертикали и горизонтали	30
“В мире животных”	32
Спяну сказал...	33

Курватура плеча	34
Путеводитель по формам и поверхностям	35
Хорватская кукла	37
Во время войны...	38
Он увидел её...	39
Когда он...	40
Он просит официанта...	41
Что-то успел...	42
Я люблю этот эпос...	43
Ах, вот оно что...	44
- Ты гюрза или тушканчик?..	45
Что Вам сказать...	46
Ветер уносит осу из Босфора в Черное море	47

ИЗ ЯЩИКА

(1965 - 1975)

Дождь в обрамлении окна...	53
Я был один...	54
Трава. Польша...	55
В пернатую, малинную...	56
Июнь - бочонок с динамитом...	57
Полнолуние...	58
Жасмин, черника...	59
Несмятая постель...	61
Австралийская ночь (Из Дж.Даттона)	62
Что лиственной окалиной...	63
Ночь ранняя...	64
Когда ты один...	66

Читая Р.Л.Стивенсона	67
Над россыпью звезд...	69
Кем-то лето второпях...	70
Отчего по сентяблям...	71
Не ожидая нег и благ...	72
За зимнею, о чём ты...	73
Просыпайся не сразу...	74
Во мглистой сумрачной тени...	75
Веселое катание...	76
Казалось бы...	77
Я хотел, но...	78
Гамбургская ночь (Из В.Борхерта)	79
Погашены в комнатах лампы...	80
Из Г.Тракля	81
Шекспировы мотивы	82
В очках и шортах...	83
Двух бабочек писал...	84
Открыты настезь небеса...	85
Сценарий короткометражки	86
Выздоровление	89
Их голоски...	91
В бане, в августе...	92
От настоящего ни меты...	95

РУДИМЕНТАРНЫЕ СТИХИ

Уроки музыки	99
Я их и тогда...	100
Женщина с прокуренными ногтями...	101

Если бы сын писал стихи	102
Памяти тети Нюси	103
Я хочу сказать...	104
Вот, говорят, страх смерти...	105
Остаточное явление...	106
Кто-то должен сказать...	107
Завидую кино...	108
Над и под - земное межевание	109
В рассказе Нобелевского лауреата...	110
Из всех революций...	111
Радиосвобода	112
Офицеры - на официантках...	113
Так любили меня близкие...	114
Кого ещё не поблагодарил?..	115
Зоотехник и зверок	116
Беззащитная реакция	119
Почему стрекозы?	133

Только-только вернулся от директора. Их там было трое, еще два зама. Все американцы, один, правда, наш, бывший наш.

Обсуждали мою просьбу: дать мне две недели отпуска за свой т.е. мой счёт.

Они спросили зачем.

Я сказал, что работа, хоть я ее и ценю, сжирает меня, и я больше не могу писать стихов, и отпуск мне нужен, чтобы кончить книгу, позарез нужен, иначе никак.

Они спросили о чём книга.

Я честно ответил: о любви и стрекозах, да, так и будет называться: “Почему стрекозы?”.

Они кивали головами, доброжелательно переглядывались.

Я почти уверен, что дадут. Да почему “почти”. Вот сейчас, через минуту-другую в мой компьютер придет мемо:

“Разрешаем, даем, но не за свой счет, а за наш: наша компания всячески поощряет, стимулирует...”

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ФОРМАМ И ПОВЕРХНОСТЯМ

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Звонят, пишут, спрашивают:
ты написал стихи, хотя бы одно?
Собственно, о чём они?
Я отвечаю: пишу публицистику. Естественно, о вас.
Дело дошло до того, что звонит из тюрьмы мой друг
и спрашивает: ты написал хотя бы одно?
Я отвечаю: исключительно о тебе.
Он хмурится.
Однако. Всё же.
Но.
С каких это пор стихи стали критерием выживаемости?
Хитренькие, не верят ничему, кроме стихов.
Нет-нет, не напрасно я их покинул
в пору цветенья ржавых бутонов проволоки.
Так им и надо,

отстаньте, кричу им,
с каких это пор?
Все окей, ол райт.
Упрямые,
уже стоя у стенки,
кричат:
хотя бы одно?
Разве это можно выдержать, я тоже не
железный,
я тоже могу расплакаться, разреветься,
сломать, наконец, ручку.

Смерть в Англии безутешна.
Счастливые русские!
Как бодрят их отчаянные усилия:
слетать в другой город за венгерским лекарством;
дозвониться до Нью-Йорка и выбить приглашение умирающему;
поднять на ноги всех христиан Европы.
Вот ты и герой,
да еще и трагический.
А в Англии
смерть безутешна.

Иногда все-таки хочется
написать стихи по-английски.
Знаю, когда “иногда”.
Когда сделал что-то бестактное
или стыдное.
Начать можно с “Actually”,
и дальше по-английски
якобы с юмором рассказать,
как в Лондоне меня представили тайландке,
и она протянула мне руку, а я, дурак,
всерьёз пожал, а пальцы ее
были обрамлены перстнями, кольцами,
но я так сжал, что на лице тайландки
проступила боль, слезы.
Actually...

Это было событие:
в мае
после мольб и просьб
в первый раз выйти на улицу
раздетым.
А в этой стране
месяцы слиплись,
как пельмени.
Так и умрешь
в плаще.

СЕСТРА ПИШЕТ СЕСТРЕ

Дорогие,
два часа до Дувра,
потом судно огромное "воздушная подушка,
город Булонь и - пою:
"Париж, о Париж, весной фиалка..."
Нас провожал на вокзал А.А.
Хороший человек,
с хорошими светскими манерами.
Здесь в ресторане "Paris" ели свежую клубнику.
Опять вспомнила вас и Шевченко:
"А сестри! Сестри! Горе вам,
Мої голубки молодії,
Для кого в світі живете?
Ви в наймах вирости чужії,
У наймах коси побіліють..."
Простите. Сама реву.

ВЫБОР ДОМА

Вот тема,
чуждая бедным.
Их, бедных, тема:
раздел квартиры.
А у богатых
много вариантов.
Возьмем хотя бы
выбор дома
или домов.
Как мучится,
мечется богатый:
с видом на Темзу?
На газон?
На белые скалы Дувра?
Как трепещет
душа богатого,
как фатален
ее выбор.
Как часто
ловлю себя
на чувстве:
я - не беден.

Харканье.
Кашель.
Хрип.
Бешенство грудной жабы.
Чья-то астма за стеной в гостинице.
Ринуться спасать?
Бить в колокола?
Поздно.
Отхрипело.

В соборе в Равенне мозаика:
Юстиниан I, архиепископ Максимиан, свита.
Может быть, очень может быть,
они уже в ней,
те два монаха,
что контрабандой вывезли из Китая
яйца шелковичных червей.
Днём соловьями заливались,
а ночью, глотая страх,
набивали бамбуковые палки яйцами.
Вот это вероучители!
Вот это константинопольцы!

ПОЦЕЛУЙ В ЛЮЦЕРНЕ

На карнавале в Люцерне
я - живая мишень:
приезжий без маски.
Подбегает зайка,
юркая, прыткая,
целует в губы.
Рожу не ворочу.
Грудь у нее маленькая,
плоская,
никакая!
Брезгливо отталкиваю его.
Выплюываю поцелуй.
До сих пор шипит в снегу.
Слаще не было.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДРАКОНА

Родина: Буковина.
Чужбина: Галиция.
Всего прочего
не существует.
Где же он?

Площадь Св.Хайме.
Гостиница “Хайме Примеро”.
На кой Хаим
во втором классе
переметнулся в Фимы?
Можно подумать, помогло.

К утру обрастают мохом
балконы, зеркала, глазные белки.
Дракон надышал?
Постепенно привыкаешь
к поцелуям с пушкой.

Постояльцы “Хайме Примеро”
сюда не взбираются.
На крыше сохнет
дюжина полотенец.

Им подражают голуби.
Шумная встреча шампанского
с черепицей.
Прохладная встреча губ.
Если бы Пако знал,
с кем сейчас его дочь.

Продать гостиницу.
Уехать в Колумбию.
Хлестким кнутом,
сладким пряником
пригнать полсотни индейцев.
Запороть насмерть
самого пьющего.
Что, Пако,
слабо?

Сквозь гнилостный запах
водорослей
ползут слухи
о приближении дракона.
Он будет
в последнее воскресенье
сентября.
Пако советует
купить мазь от ожогов.
Интересно,

Где Пако спрячет дочь?
На чердаке?

Морская прогулка
на катере.
Не хватает только
мамы, папы
и старшего брата.
Старшего?
Я теперь
старше всех!

Вот ты какой, дракон
с проспиртованной глоткой!
Черти подвозят горючее
в детских колясках.
Зло побеждает. Ура!
Рыцарь спасет хоть одну
душу с маленькой грудью
на чердаке.

Жизнь здесь шершавая, но необидчивая.
Скажешь ей: - Ваша тусклость!,
а она только тускло в ответ улыбнется.
Но стоит в конце октября в Марианске-Лазне
выйти на террасу с видом на бурое, ржавое, багряное,
как тотчас вспоминаешь, что осень, а значит и прочие три,
явление космическое,
да, да, космическое,
если не больше.

Я поцеловал ее, ну, раз пять с половиной.
И всякий раз она скашивала глаза и превращалась
в птицу: мол, это уже не я, отношения к этому
не имею...
С тех пор на вопрос: “Целовал ли ты птицу?” я обычно
отвечаю утвердительно.

Молодой учитель записывает в дневник ученице:
“Орыся - хорошая послушная девочка. Спасибо за воспитание”.

Задумывается, зачёркивает.

“Орыся - чернобровая, кареокая. Спасибо”.

Зачёркивает.

“Орыся, тебе нужны дополнительные уроки. Придёшь?”

Зачёркивает.

“Орыся...”

Так я начал писать стихи?

БАЛЛАДА О ВТОРОГОДНИЦЕ

Она донесла свое тело набухшим, налитым, но еще
не пролитым до нашего класса. Села на заднюю парту
и научила наши глаза просверливать собственный затылок.
Из-за нее одноклассницы наконец-то откликнулись, дрогнули.
Но дело даже не в этом.

Фактом присутствия она поставила проблему времени,
и в этом смысле ее бесталанность приравнялась к таланту.
Ради нее фараон, нарушив клятву, придержал календарь.
Год, влюбившись,
не перевернулся,
не перевалил
и грозил всему классу
срывом нервов, уроков.

МЕЧТА ПО ВЕРТИКАЛИ И ГОРИЗОНТАЛИ

1

Может быть, все дело
в пикирующих именах:
герр Мессершмитт, герр Юнкерс.
Но вот о какой девочке я мечтал в детстве.
Профессия: дочь смотрителя маяка;
место жительства: Крым;
раса: загорелая блондинка.
Она ждала меня детство напролет,
пока солнце по-дельфиньи облизывало её плечи.
А я ждал войны,
чтобы возникнуть в трассирующе-фюзеляжное мгновенье.
Капля крови на бронзовой ключице.
Ее отец - скупой на слова старик -
помогает внести дочь в каморку под самым рефлектором.
Мы выхаживаем ее, скупко обмениваясь словами:
спирт...бинт...атропин.
То ли смесь разврата и столпничества,
то ли предчувствие, что без столпничества
разврат пресен.

Отмелькали парусиновые пятки
бронзового века моей жизни,
и я очутился в Тичино, итальянском кантоне Швейцарии.
Поселился у самого итало-швейцарского шлагбаума,
чтобы три-четыре раза на день пересекать границу.
Люблю, люблю, люблю это делать и трепетать.

Если б был индейцем, то звали б меня
“Проламыватель Границ”.
В меняльной конторе приграничного банка
познакомился с кассиршей, дочкой таможенника. Женился.
Теперь мои дети шныряют по границе: туда-сюда, туда-сюда.
Где твой Мессершмитт, где твой Юнкерс!

“В МИРЕ ЖИВОТНЫХ“

Зачем он согласился принять участие в этом “круглом столе” о роли телевидения?

Вот, по ходу, другой писатель уже прошёлся по “картинкам для взрослых”, а кинорежиссер по “бездуховности”. А он пока вспоминал, как был в разъезде, в разладе с третьей женой и метался по телеканалам, чтобы угадать, что она где-то там смотрит, и хоть так побыть с нею вместе.

Он потом спросил:

- Ты тогда смотрела передачу про сурков?

- Откуда ты знаешь? - ответила она.

Но неужели говорить об этой любви к телевидению сейчас, за “круглым столом“?

Спяну сказал едва знакомой аспирантке:
“Этот конференц-зал никуда не годится. Здесь
ни обнять, ни поцеловать”.
Утром подумал и решил, что это и есть
единственно точный критерий пространства:
можно в нем обнять, поцеловать или нет.
Вечером принес аспирантке извинения.

КУРВАТУРА ПЛЕЧА

1

На фоне дымчатого женского плеча чернело
плечико бутылки
или наоборот:
в зависимости от того, сидели мы или лежали.

2

Теперь я знаю, что такое зрелость. Я приглашаю самых
погожих подруг распить бутылку, но моя цель - плечико
бутылки, а дымчатое, женское - лишь подсветка, пушок.
Как они это терпят?
Это ведь подлость, старческая перверсия:
сжимать прохладную бутылку,
глядя на сидящую поодаль подругу.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ФОРМАМ И ПОВЕРХНОСТЯМ

Откуда начать?

С крестоцвета?

С капеллы хора?

Или прямо:

южным крылом с обеденным залом монахов?

Да, пройти двором с аркадами вдоль куртины, над которой нависает квадрига, Дионисий и Ариадна, походя поцеловать лоджию с полукруглой нишей, прикоснуться глазами к пилястре, незаметно от дома сборщика налогов.

Что-то закипает в северном крыле с библиотекой.

Кирпич ложком, кирпич тычком.

Вот здесь, рукой подать, -

и подаю -

боковой флигель с вестибюлями для князей. Винтовая лестница, галерея башни. Восточное крыло с залом для пленарных заседаний наших губ. Бесконечные, пока я на работе, залы ожидания.

Почему я не Шива, скрещенный с осьминогом

и сороконожкой? Одна рука - там, на продухе, другая

там - в венке зубцов, третья - на башне
с шатровыми крышами.

Куда теперь?

В двухстворчатую дверь с богатым завершением
или через главный вход с бронзовыми дверьми?

Сквозь разорванный фронто́н ползком к надвратной башне,
сквозь аркаду звона?

О, моя романская, моя позднеготическая
шестипролетная
с ажурной резьбой!

ХОРВАТСКАЯ КУКЛА

- Вы должны написать стихи о любви, - говорит она. -
Да, как Вы нашли в мусоре изуродованную куклу,
слизали гарь языком,
склеили слюной сломанные члены.
- Как ласточка?
- Да, как ласточка...любовное, эротическое стихотворение...
феминистки будут рыдать.
- Нет, им не понравится мужчина в роли спасителя.
- Нет, понравится. Напишите?
- Нет, у меня не получится. Все-таки, знаете, кукла,
да еще изуродованная, в мусоре...нет, нет

Во время войны спрос на мужчин в тылу возрастает.
Даже подростки и инвалиды пользуются успехом
на переднем крае в тылу.

О, Марс!

Ниспошли войну на нашу провинцию
и назначь меня
не претором,
не квестором,
но подростком!

Он увидел её из окна машины в потрёпанном, когда-то элегантном пальто, с волосами, сбитыми набок.

Она ждала зелёного света.

В одной руке у неё был целофановый мешок, в другой полбуханки хлеба. Она механически совала хлеб в рот и жевала.

Он вспомнил, как лет пять назад они расстались.

Почему?

Он, можно сказать, так и не понял.

Кажется, это случилось само собой.

Он прибавил газу.

А начиналось почти весело - он это точно помнит - даже, можно сказать, романтично.

Когда он назначал ей свидание и даже после, когда они на полчаса зашли к нему якобы взять книжку, но на самом деле он хотел, чтобы она взглянула на его жизнь, так сказать, с точки зрения интерьера, он точно не понимал: волнует она его, тревожит, трогает? Но проводив её и вернувшись, он заметил, что стульчак в уборной опущен - да, верно, она сюда заходила - и поймал себя на чувстве, которое, пожалуй, можно было бы назвать нежностью.

Он просит официанта
принести бокал коньяку.
Официант приносит.
И тогда он просит меня:
- Подержи бокал в ладони. -
Я отказал ему во всём;
неужели снова?
Его замшевые влажные глаза
висят где-то рядом.
Ладно, что я,
зверь?!

Что-то успел, а чего-то не успел.
Не успел сказать, что у любви, её любви, было
такое чистое, легкое дыханье,
потом не успел сказать, что она любила его
так восхитительно, так ясно, так просто,
а он её чересчур молодо, чересчур запальчиво,
что непростительно для человека в столь солидном возрасте,
хотя другого человека у него под рукой не было.
Зато успел сказать, что перечел метрику бога любви, Эрота,
и выяснил: с мамой, с Афродитой, всё в порядке,
а с папой, Аресом, не всё. Уже дома проверил ударение:
оказалось “Арес”.
Значит, разговаривая с ней, он ударил неправильно.
И как только угораздило!

Я люблю этот эпос не за четырехтысячелетнюю мощь,
не за пласты пракрита и напластования санскрита,
даже не за великолепное море крови у стен Хастинапуры,
а за то, что, когда целую её, когда буквально набиваю
ею рот, где-то в трахее само собой выпрастывается
и с грохотом катится по катакомбам тела
пучеглазое огнедышащее
“Махабхарата!”
“Махабхарата!..”.

Ах, вот оно что!

Конечно, помню, как в тот вечер вместе с Манолисом и его сестрой Мелиссой мы вырвались из бензинного чада Афин в таверну под апельсиновыми деревьями и, наконец, глотнули воздуха.

Помню, как Манолис ловко вытирал жирные от оливкового масла губы лепёшкой, а после бросил её нищему, и тот взмыл на седьмое небо.

Тогда-то Мелисса и сказала, что уходит от Димитриса, а после несколько раз коснулась моего подбородка

И вот теперь, полжизни спустя, в примечаниях к “Медее” Эврипида я читаю - так вот оно что! - “прикосновение к подбородку собеседника - жест умоляющих”.

Где же была моя чуткость, тонкость?

Да какой же я поэт после этого?

- Ты гюрза или тушканчик?
Ты гюрза или тушканчик?
Ты гюрза или тушканчик?
Дай ответ! (два раза)

Это такая рыба турецкой ресторанной песни.
Но вообще дурят. Привяжутся, обяжут, обволокут.
И ты уже не человек, а покупатель.
Да не хочу я быть покупателем!
Человек я!
Брысь!

- У него всего три пальца.
У него всего три пальца.
У него всего три пальца.
Но каких! (два раза)

Я. М.

Что Вам сказать, Ярослав? Впечатляет сцена, где сперма то ли Грега, то ли Дина попала Вам в ухо, и Вы струхнули, что она просочится вместе со СПИДом в мозг костей и Вы окочуритесь из-за этого долбаного уха. Или эпизод, где Вы тонко отмечаете, что говнобоязнь удерживает значительную часть человечества от траханья в жопу. Но с другой стороны, я по-прежнему нахожу больше очарования в 37-ой главе тацитовских "Анналов", где походя говорится о судах, разукрашенных золотом и слоновой костью, и юных распутных гребцах, расположенных по возрасту и по знанию разврата. Нет, нет, это не укоризна! И не вздумайте бросать перо!

ВЕТЕР УНОСИТ ОСУ ИЗ БОСФОРА В ЧЕРНОЕ МОРЕ

На самой границе Азии и Европы между Мраморным и Чёрным в траве под кипарисом он губами ткёт ковер на её груди и рвёт его зубами.

- Твоя грудь, - говорит он, - похожа на этот Босфор...

Нет, на мечеть Сулеймана...

Сколько у неё сосцов?..

Нет, все-таки на Босфор.

Когда воду смешивают с анисовкой, получается белый кипящий раствор.

Вот они сидят и глотают матовые лампочки.

И уже до рассвета

что-то в них горит,

не выключается.

Условие: ночь.

Потому что
не к лицу
дневной свет,
не к телу.

Ладно,

у с л о в и е: н о ч ь.

Правда, он недоумевает,
почему она недооценивает его пальцев.

Они что, менее зрячи, чем глаза?

Дряблость её кожи, если угодно, зачитанность,
прочитываются сходу, и ему даже нравятся, как будто
у него роман со старой, нет, древней египтянкой.

Он смутно припоминает, что все дело решил один поцелуй.

Была в нем какая-то влажность, облачность, туманность.

Может быть, так давала знать о себе любовь?

Но где это было?

В Лондоне?

В Киеве?

Во сне?

С одной стороны её ласки позволяют ему
открыть в себе новые проливы, рукава, мысы,
но с другой

её навыки, даже, можно сказать, искусство
вызывают сомнения, подозрения, приступы
удушающей ревности.

Он нюхает её сигареты:
они пахнут её губами.

- Если оставить только одно: обоняние,
то и тогда можно любить. -

Говорит он ей прямо в губы,
и она отвечает ему в губы:

- Да, наверное, так
любят кроты,
да, вот так...кхр...кхр...

Она идет по разговору, как по луже,
перепрыгивая с камня на камень.

Чуть влево, чуть вправо - и соскользнет мужское имя,
брызнет мутная капля.

Вот, сказала, как отель в Эдинбурге прислал домой
забытое в номере бельё, и муж все понял.

Зачем сказала?

После опять сорвалась, рассказала, как подружка пришла
переночевать, а сама она, уходя, сказала мужу
(другому мужу, в Москве), что идет к этой подружке в гости.

Когда же она обманет его?

Или уже?

Сплошное неудобство с этим прошлым.

Женщинам мешает даже больше.

А ему?

Почему он должен тащить её прошлое? Своего, что ли, мало?

Но руку протягивает,

а она снова и снова соскальзывает.

Вот так и расхлебывают:

она при улыбке,
он при слезах.

На самом деле он прилетел сюда в поисках
рта мусульманки, высмотреть султанье, вынюхать одалисье,
чтобы написать очерк для раздела "Путешествия"
в лондонскую "Санди Таймс",
но уснул, уснул.

ИЗ ЯЩИКА

(1965 - 1975)

Дождь в обрамлении окна
Повесили на стенку.
Отполированный стакан -
Стеклянная беседка.
В нём взвинченный чайнок рой,
Как ласточек помятых.

Сентябрь оставил ключья строк
На вспененной бумаге.

Я был один, когда
веранду потрясло.
Казалось, не вода -
само стекло текло.

И молнии в ночи
полет наискосок
был противоречив,
как поцелуй в висок.

Трава. Полынь. Брусника. Вереск.
Сполагоря
Открылся лес
И морозящий
Листьев шелест,
И шелестящий
Бронзы плеск.
Быть может,
Только день до снега.
Прощай.
Спасибо.
Не горюй.
Взметнулся
Лист багряный в небо,
Словно воздушный поцелуй.
Еще раскаты не утихли.
Стрекочет
Стрекозиный гам.

Стихи лишь - к осени картинки,
Как иллюстрации - к стихам.

В пернатую, малинную
Не бойся, окунись,
Дрожащим хлорофиллом
Наполненную высь
И внемли:
Спозаранку
Не зябликами - весь! -
Зудит своей изнанкой
Кольшушийся лес.
Встречают нас по-божьи,
Когда бы не пришли,
Березовые рощи -
Хранители зимы.

Июнь - бочонок с динамитом.
Июнь - по липнякам "ау" -
В хитросплетенья к пауку,
Чья сеть лесной росой умыта.

Июль - макушка лета. Страдник.
Летит пчела. Жужжит пчела.
В брюшке зажженная свеча,
Натруженные лапки сладки.

Ах, август, пригоршня рябины.
Невидимый уж подан знак,
Что всякий зверь и фрукт, и злак
Приглашены на осенины.

* * *

Полнолуние.
Зримо, зримо
Зябнут звезды,
Пером тихонь
Нацарапанные над миром,
Словно
Звездочки над стихом.

Жасмин, черника,
чистотел
и мы, десятиклассники.
Болтаются на бечеве
прищепками
карасики.
Выходишь на крылечко
в шесть
и вопрошаешь:
- Где же мы?
На лопухах
не перечесть
алмазных меток
свежести.
Последние каникулы
размениваем,
празднуем.
Алеет -
руку протяни -
смородина прекрасная.
Ты утро пьешь
из родника.
Я глажу насекомое.
Как будто
каждый кадрик
для
семейного альбома.

Еще не верится
вполне,
не чудится,
не видится,
что в ноябре,
что в ноябре
всё подчистую
снимется.
О боже, как
сияет луг
ромашками, Светланами.
Роняю первый
поцелуй,
задумчивый, медвяный.
Наташа, родичи, сосед,
нечаянные шалости,
мы по наивности
своей
тогда не попрощались.
Прощайте, дача,
тын и пруд,
прощайте,
кровли шаткие!
Над лугом
бабочки снуют,
как теннисные
шарики.

Несмятая постель,
Звезда в окне, сейчас
Я улечу от вас
За тридевять земель -
И кончено. Исчез.
Ищи меня - свищи,
Где даль, где синь небес,
Где больше ни души.

АВСТРАЛИЙСКАЯ НОЧЬ
(Из Дж. Даттона)

Ты слышишь, слышишь -
там и тут
опять,
как ночью давешней,
в саду
как будто струны рвут
и нервно бьют
по клавишам?
И кажется,
что ты - в аду,
беспомощен и крохотен,
когда взрывает какаду
глухую полночь
хохотом.
Какие страсти
во дворе
и полон сад
страданием!
И те же птицы на заре
нас дарят щебетанием.

Что лиственной окалиной
затянуты предместья,
что писанкой пасхальнойю
расписан перелесок,
что в сурике антоновки,
дубравы купоросе
похрустывает новенькая
гербовая осень,
пишу по божьей прихоти
с природы, без отсрочки,
придаточной, запыханной,
сплошную красной строчкой.

Ночь ранняя. Возможно, звёздная.
Горит грибок. И у плеча
Ночные бабочки елозят.
Шушукуются. Шебуршат.

И мотыльки, слегка потрескивая,
Продолговаты и резвы,
Поводят спаренными лезвиями
У щитовидной железы.

Но тает лампа. Рядом где-то,
Отчетливо, у самых век
Готические брови деда
И бабушки слоистый смех.

А вон мелькнула майка брата,
Девчачьих бантов крепдешин.
Высматриваю душу сада,
Где ни души, где ни души.

На золотом крыльце сидели...
И врассыпную. В гуще слив
Ловлю дыхание Елены,
Свое дыханье затаив.

Нечаянные эти прятки
Так будоражат, что душа
Ушла наполовину в пятки,
Наполовину в небеса.

Гляди, Елена, вишни слева.
Под яблонями правый край.
В июльских яблоках железа -
Что хоть магнитом их срывай.

Гляди, Елена, вот синица
В одной руке. Журавль - в другой.
Да будет сон мне сниться, сниться.
Я маленький. Мне хорошо.

Когда ты один, и гости ушли,
И рядом с тобою уже ни души,
И звезды запутались в тюле гардин
И сони дорвались до пухлых перин,
Тогда понимаешь: в полночной тиши
Сачок на комоде, в углу камыши,
За окнами черные тени осин,
Огни на околице, дали равнин
С тобою, с тобою, когда ты один.

ЧИТАЯ Р.Л.СТИВЕНСОНА

1

В комнате свечи пускай оплыли,
Тучи по небу несутся пускай, -
Ночь напролёт, напролом, навывлет
Сквозь полумрак и вороний грай
Скачет и скачет, в пене и в мыле,
Взапуски с тенью ("Свечи оплыли", -
Ты говоришь) по прогорклой полыни,
Переметнувшись на молочай,
После на вереск, что было силы
Лошадь со всадником прямо из были
Без передыху в балладу. Оплыли
Свечи. Другие скорей зажигаЙ!

2

Коленки в ссадинах. Ладони
В смоле. Горячею щекой
Ты прижимаешься спросонок
К коре шершавой. И корой
Ты весь пропахнешь, чтоб порой
Ночной не сон, не сад, не крона
Явились, но полдневный зной
И мачты стройная колонна,

И ты на мачте - мачтовой.
То риф. То мель. Ура! Мы тонем.
Ура! Мы выплыли, и кони
Нас ждут у берега. И стонет
Ствол яблоневый под тобой.

Над россыпью гнезд
В альбоме ребенка
Наляпано звезд,
Как после ремонта.

И месяца серп
С горбинкой непрочен,
Как мартовский снег,
Как зубик молочный.

От месяца, звезд
Мне некуда деться.
Неужто мой крест -
Счастливое детство?

Кем-то лето второпях
выпито из сада.
Лишь остался на ветвях
солнечный осадок.

Что кручинишься, сестра?
В этот день осенний
где-то в Африке пора
птичьих новоселий.

Эту синь и стынь, и гладь
на исходе года
так и хочется назвать
детскою погодой.

У крыльца водой полна
погнутая миска
и, как сад, обнажена
близость наших близких.

Отчего по сентяблям
Со слезами пополам
Старшеклассницы-подружки,
Горожанки после службы
Под картавый грай и гам
Среди шороха и свиста
Растопыренные листья
Клёнов носят по домам?
Со слезами принесут
Ради близких, ради близких
Обжигающие искры
В настороженный уют...

Не ожидая нег и благ,
За остывающую осыпь
Багряный опускает флаг
Охладевающая осень.

И, в тишину макая взгляд,
Я напишу тебе в открытке,
Что лица женские таят
Воспоминание улыбки.

За зимнею - о чем ты?-
За рамою оконной,
Где каждый звук отчетлив,
Как в операционной,
О чем ты, дорогая,
Снежинки шепчешь тише
Округлыми губами?
Не слышу...

Просыпайся не сразу,
Просыпайся не вдруг,
Полежи, моя радость,
Полежи, мое утро.
На Земле ещё рано,
На Земле ещё хмуро,
Моя грустная радость,
Моё доброе утро.

Во мгlistой сумрачной тени
Не зря намедни ворон каркал.
Нас под собою погребли
Осенние руины парка.

Ты щебетала, словно чиж,
Лазурным голоском, а ныне
На языке каком молчишь:
На греческом иль на латыни?

Веселое катание
По ледяному диску.
Как ложечка в стакане,
Кружится фигуристка.

Под музыку легчайшую
Запущены по кругу.
Подруге ускользящей
Протягиваю руку.

Малиновая шапочка,
Далекая подруга.
Заверчены, подхвачены -
Не удержать друг друга.

Веселое катание
По ледяному диску.
Как ложечка в стакане,
Кружится фигуристка.

Казалось бы, что от любви,
что от поэзии
в картинке:
я зонтик над тобой держу раскрытый
и так стараюсь,
что левое плечо моё
промокло
до ниточки
?
А всё ж...

Я хотел,
но забыть не смог
истекающего кизила
затухающий фитилек
на вечернем, на светло-синем
и запомнил. А ты
забыла
этот легкий
от гор
дымок,
словно женщина
накурила...

ГАМБУРГСКАЯ НОЧЬ (Из В. Борхерта)

Покуда спит, сопит
ворочается Гамбург,
податливая темь
подмахивает тем,
кому не до молитв,
кому наутро амба.

Покуда время дряг
причала с тьмой, покуда
трясет листву озноб,
люби меня взхлёб
под водосточный ляг
и тучек пересуды.

Разит душком мочи
и запахом сирени
от Эльбы, и далёк
твой голубой висок,
когда урчат в ночи
портовые сирены.

Погашены в комнатах лампы.
В мансарде задута лампада.

Ты с этой минуты - прощайте! -
Засосан задворками сада.

Опасны ветвей кривотолки.
О чём они шепчут ночами?

Под конус сформованы ёлки,
Как уши немецких овчарок.

Над садом, над стрельчатой крышей
Расставлены звездные знаки.

Ночами Вселенная дышит,
Как прежде, как при Пастернаке.

(Из Г.Тракля)

Среди заброшенных куртин
Напоминает вновь,
Что снят последний карантин,
Озноб колоколов.

Холодный промельк паутин.
Озноб колоколов.
Последний в жизни карантин
Окончился. С азов

Учиться терпкой немоте,
Любви начистоту
Нам доведется в темноте,
Как прежде на свету.

ШЕКСПИРОВЫ МОТИВЫ

Любимая! Все звезды напролет
При свете жилки тоненькой, височной,
О чём бессмертник шепотом пророчит,
О чём пророчит гулкий небосвод?
О Малая Медведица! Светись!
Твои каракули - не гибельные знаки,
Но звездный ковшик леденящей браги,
И в этом наивысочайший смысл.
Великие, полночные твои
Глаза неугасимые, родная,
Я нареку созвездием Судьбы,
Иной судьбы вовеки не желая.
Пока дано над миром им светиться,
Звезде моей не суждено скатиться.

В очках и шортах, словом, налегке,
В панамке из вишневого батиста,
Сломала руку в пенистом ручье
Немолодая странная лингвистка.

Казалось ей, конца у боли нет,
И что она устала и разбита.
Влачилась с гор цепочкою овец
Гуцульская мелодия трембиты.

Поддерживая нервный локоток,
Я вёл её по направленью к центру,
Набалтывая новости кино,
Коверкая подножную люцерну.

Рентгеновский был кабинет закрыт:
Врач-рентгенолог увлекался греблей.
Над Вижницей висела стая птиц,
Как горсть земли, подкинута к небу.

Двух бабочек писал
порхающих, а может, осок
по воздуху старик раскосый,
а может, не писал.

Но и во сне, впотьмах
текут расплющенные слезы.
Две бабочки, две китаезы
порхают на глазах.

Открыты настезь небеса
Дождям, идущим в виде снега,
Вернувшегося из побега
На хвост задумчивого пса,
Замешкавшего у сосны.
Пересыпают нафталином
Кусты горячие малины,
Чтоб продержались до весны.
Летит растрёпанный сугроб -
Уже не луже подражанье,
Еще без формы содержанье -
Ему про то и невдомёк.
Летят куда-то хлопья слов.
Журчит их белокрылый лепет.
И тот, кто их безумно лепит,
К любой оказии готов.

СЦЕНАРИЙ КОРОТКОМЕТРАЖКИ

Весь город сразу: в переплёте зданий,
С потоками асфальтовых шоссе,
Заезженных, как старая пластинка,
Которую нельзя перевернуть, с асфальтом,
По которому неслышно несётся утро синим лимузином
С невыключенной фарой на крыле;
Каштаны сбрасывают сентябринки
Под беглую разминку саксофона,
Засевшего в распахнутом окне
студенческого общежитья;
Со сквером, что напротив горсовета,
С тем самым сквером, где сейчас поводят
Крылом павлиньим стройные фонтаны,
А над маховиками клумб - бархотки
И орденские ленты всех расцветок;
Со стадионом лишь чёрно-зеленым,
Где мальчики в бысролетающих кедах
С приросшими квадратами педалей
В ладонях потных лихо расправляют
стальные узловатые рули,

Над головой ее табунной будет
Дымиться луч, упругий, словно мячик;
Её тугое утреннее тело
Негромко проскользнёт вдоль тишины,
И канет...

А между тем красивый день находит.
Стоит сентябрь -

четвертый месяц лета -

На парапетах, на её плечах;
Ещё не ржавы выдохи дерев, как груды
школьного металлолома,

Ещё не сторонится крон листва,
И кружит камера над прежним парком,
Покуда вымирает танго, танго.
И, наконец, КОНЕЦ. И гаснет
Луч света в тёмном царстве кинозала,
Но в полночь по пустынному экрану
Катается на братниных снегурках
Серьезный мальчик годы напролет.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Юный отец,
из палат,
из кальсон без тесёмок,
из обитого марлей дурмана
ты выходишь
по звонким ступеням
и приветственно машешь рукой.
Не возвращайся -
слишком прекрасна
эта июньская рань.
Стаи деревьев
на волоске от полета,
и санитарки
на ломких крахмальных
крыльях
плавно парят
меж белых нежных стволов
с пятнами сока.

В легкое талое небо
тихо взмывает
“дзинь-дзинь”,
и на околице сини,
в васильковом предместье,
над госпитальным двором
сонные рощи скворцов
празднуют утро.
Не возвращайся,
юный отец!
Спи
в муравьиной,
полынной
взбитой
кладбищенской
пасхе,
солонатовой от слез...

Их голоса,
завязанные бабочкой на горле.
Их терпкие литые сливы
там, где грудь -
у девочек.
Их голубые прутики прожилок
на шее и на лбу -
у мальчиков.
Их зубы и глаза в столовой,
пропахшей огурцами,
и кто-то назовёт по имени -
без отчества -
меня,
и четверо потупят взгляд:
попробуй угадай.
Их танцы до отбоя,
а после - сны, в которых
они танцуют плавно и легко.
Их всплески по воскресеньям
навстречу: мама!

В бане, в августе
в космах воды,
крепко в памяти сжав номер шкафчика,
шлёпают по полу -
кто в белом слепке с плавок,
кто в белом слепке с семейных,
кто совсем нагишом - нелюдимы -
мальчики и мужчины.
У одного почему-то загар на левой ноге
выше, чем на правой.
А этот, бесстыжий,
с черной гроздью волос,
видно, заставлял багроветь
молодых и стеснительных женщин.
Но вот появляется
хранитель вечного снега,
сторож молочного комбината,
короче, человек, кожа которого
представляет собой от плюсен до зальисин
эталон белизны.
Что-то мгновенно меняется
в бане и в стихотвореньи.

Сгущается воздух. Пар становится суше.
Метафоры уступают место действию.
Поначалу кто-то, почти шутя,
хлопает пришельца по ягодице,
и на последней остается чёткий след пятерни.
Шутка нравится, и вскоре
к плеску воды и хохоту
примешивается новый, веселый
звук шлепков по телу.
Каждый подходит -
и в меру воспитанности -
бьет ладонью, кулаком или шайкой
Пришельца.
Дети норовят ущипнуть.
Звук хлещущей воды
сливается со звуком хлещущей крови.
Поэт (как-то неловко в таком контексте
говорить от первого лица)
не участвует в этом игрище загорелых,
но испытывает чувство солидарности с ними:
ему с первого взгляда
Пришелец не нравился.
Поэт смотрит на некогда белоснежную,
а ныне пунцовую кожу
и вспоминает раскаленное, inferнальное
нутро телефонной часоуенки,
откуда вчера ночью
он навзрыд объяснялся в любви.

Под занавес
к тихо лежащему Пришельцу
приближается гомосексуалист
и завершает феерию,
срывая чуть ли не аплодисменты
и возгласы “Браво!”
Посетители не спеша домываются,
выходят в раздевалку
и окунаются в накрахмаленные простыни,
красиво оттеняющие
смуглые плечи и лица.

От настоящего ни меты, ни следа.
Всё стало прошлым.
Прошное - легендой.
Вот мы идём по улице с тобой.
К нам липнет солнце. Ни души. Ни тени.
Булыжник пышет, пышет скобяным,
копытным, хриплым жаром. Безобразный,
скорлупчатый из-за угла трамвай -
почти игрушечный, почти беззвучный -
выносит свой оранжевый позор
с клубящимися гроздьями голов
в проёмах окон. Круглые глаза
устремлены на нас. Как тёмны взгляды!
Как неповоротлив
квадратный зад трамвая! Ну, скорей!
В тартарары, на площадь городскую
по замкнутой, венозной колее...
А головы все тянутся вослед
тебе и мне.

Воспоминанье это подарим Бергману.
Дотронься до меня.

РУДИМЕНТАРНЫЕ СТИХИ

УРОКИ МУЗЫКИ

Вроде бы ничем не отличались.

Нет, вру: еврейских детей учили на аккордеоне,
а нееврейских на баяне.

Скажем, в культпросвет еврейские не шли - там был
только баян. Нет, вру: случались и музыкальные выкrestы.
Надо сказать, в грязь не ударили. Но всё же почему-то баян
считался простецким. А аккордеон - вульгарным
т.е. тоже простецким, но в латинском смысле.

Да, мои-то, Галина Ивановна и Яков Израилевич,
нашли компромисс:
пристроили по классу фортепиано.

Я их и тогда не мог понять. А теперь бы тем более.
Что они имели в виду? Стояли будто им наплевать.
Семечками дышали. Стояли, где из кино выходят.
И ты выходишь. Все в тебе сдавлено, и слёзы,
и пот, и воздух внезапный. А они: “Ну, как фильм?”
Да у них уже билеты в ладонях синенькие.
Что всё-таки имели в виду? И что я мог им ответить?
Может, детдомовцами были? Или кто-то у них умер,
и они спрашивали: “Ну, как мне дальше жить?
Почему жить? Или не надо?”
Я таких нигде не встречал, да и в России их больше нет.
А фильмы были классные. Все. Без исключения.

Женщина с прокуренными ногтями ног.
К чему бы эта встреча?
Не к снам ли об отце?
О его крокодиловой папке
(Мейд ин Югославия),
о пакете с сургучом
(вёрстка книги,
написанная за секретаря горкома),
о янтарном вкусном
(когда забывал на столе)
мундштуке.

ЕСЛИ БЫ СЫН ПИСАЛ СТИХИ

Красивые такие кругляшки
на бумаге, на скатерти
от молдавского,
иногда грузинского
оставлял отец,
даже на газетах,
да, на сосновом
кухонном, на дубовом
в кабинете,
где стояла машинка,
след остался
в памяти от отца:
отпечаток круглой,
винной души его.
Узнаваемей, чем
почерк или подошва.

ПАМЯТИ ТЁТИ НЮСИ (А.А.Ковалёвой)

Под “тётей Нюсей” я имею в виду мою тётю. Я не имею в виду демократизма, который вкладывают в “бабу Таню” или “деда Грыця” городские поэты. Моя тётя не нуждается в любви свысока.

Так вот, тётя Нюся умирала от рака в бедности, и моя мать носила ей котлеты и помидоры.

В знак благодарности тётя Нюся сказала:

- Галочка, тебе нравилась моя коса. Чем я еще тебя отблагодарю?

И она отрезала свою косу, густую, стальную, и отдала матери. Это - всё.

Я хочу сказать об умершем друге, об оправе его очков,
которым холодно без его ушей, переносицы. Но я не могу.
Это фальшиво, потому что он, я, тот, кто читает,
- все в одном контексте, контексте смерти.
Скорбеть по кому-то - фальшиво, эгоистично.
Ну, убедите же меня, что я не прав!

Вот говорят страх смерти, страх смерти.
У нормальных если и есть, то когда нюхают ее, трогают.
Непосредственно.
А так, да, страх, но страх за близких: в какую воду канул,
почему не позвонила, куда провалился?
Эти ветреные мамы, дети, мужья, любовники!
За них, за них, особенно ночью, не за себя:
до сырого, липкого, смертного.

Остаточное явление.

У медиков, что ли, такое выражение?

Например, если чешется шрам или тошнит после наркоза.

Ну, а если вдруг ночью яблока захотелось или днём книжку почитать, или в окно посмотреть, это ведь тоже остаточное явление, последнее?..

Кто-то должен сказать правду. Про мужские уборные.
Знаю, что в женские бывают очереди. А в мужские нет.
Но плата высокая. Стоишь у писсуара, а кто-то и ещё кто-то
рядом. И ты (я) не можешь (не могу).
Можно, конечно, в кабинку. Но вечно торопишься.
Всю жизнь - не поверите - мучаюсь. Просто неразрешимо.
Хоть убегай из мужчин.

Завидую кино.
Как гласными передать
густоту воды,
взмах руки под водой,
не взмах уже,
а угасанье,
медлительное,
прощальное.
Или вот поцелуй под водой.
Так часто им обмениваются
ныряльщик и ныряльщица.
Но это уже, по-моему,
чистая, пресная, соленая ложь.
Разве под водой до поцелуев?
Нет, всё-таки кино -
брехня.

НАД И ПОД-ЗЕМНОЕ МЕЖЕВАНИЕ

Знаете ли вы, что между землемерами и топографами лежит социальная пропасть?

Но и тех и других объединяет зависть к маркшейдерам. Геодезические съемки последних проводятся в рудниках, катакомбах, шахтах.

Близость к гномам и кротам придает их деятельности аристократический оттенок. Когда землемер втыкает мерный кол в грудь маркшейдера, почва жирнеет, голубеет.

В рассказе Нобелевского лауреата в области литературы Кэндзабуро Оэ есть такие слова:

“Они шагали плечом к плечу, щёки их пылали жаром, а глаза от яркого света сузились до щёлочек, как у монголов.”

Интересно, какой фон выбирают себе монголы: уйгуров, камчадалов, луораветланов?

А луораветланы?

Неужели кротов?

А кроты?

Так и вижу, как, встав на цыпочки, они судачат о жалком мышинном свисте, влажной неприкаянности червя.

Из всех революций мне по душе лишь одна.
В XVI веке в Германии низы восстали против серой одежды.
Они боролись за право носить карминное, васильковое, палевое
и отстаивали свободу цвета.
В результате концентрация красоты в Европе резко повысилась.
Лично я глубоко признателен революционным немецким низам.

•

РАДИОСВОБОДА

И чего только они не говорили о нем, Гутенберге, называли невеждой, нуворишем, образованщиной.

У них, мол, пальцы длинные, ногти точеные.

А что у него? Обрубки...

Говорили, мол, на пятки аристократической культуры манускриптов наступает печатный плебс.

Как я их понимаю, учась цифровой компьютерной системе радиозаписи. Неужели никогда больше в моих пальцах не затрепещет магнитная ленточка, лягушачья спинка, собачий хвостик?

Офицеры - на официантках.
Профессора - на домработницах.
В греческом ресторане за углом - новая официантка.
У неё голос с трещинкой посередке. Такой
бывает у детдомовцев. Орали, орали в младенчестве -
ни до кого не доорались.
Магическая хрипотца. -
Это я говорю как работник радио. К тому же
у меня новая уборщица. Из словацких Карпат. Приходит
в белом костюме, с зелёными глазами. Переодевается.
При мне. Разве я человек?
И такой блеск, такую чистоту оставляет, что дышать хочется.
Полной грудью.
Всё-таки повезло мне с профессией.

Так любили меня близкие,
чутко-чутко, долго-долго.
Но стоило другим полюбить меня,
как близкие разлюбили.
Что же мне делать?
Какую любовь предпочесть?
И остался ли выбор?
Может, переждать.
Может, снова полюбят
или...бросили навсегда?
Лучше б уж прежде не любили.
Нет, да что это я! Как бы я без них?
Но обидно, горько,
обидно.

Кого ещё не поблагодарил?
А, Лёнчика! Богатенького Лёнчика.
У него всегда карманы были набиты барбарисками,
дюшесом и даже “раковой шейкой”.
Малыши кланчили, но он отвечал:
-Не. Могу дать сладкой слюны.
Не отказывался только Марат,
дворничихин сын.
Лёнчик щедро плевал ему в ладонь,
и Марат лакал, слизывал.
Спасибо, Лёнчик!

ЗООТЕХНИК И ЗВЕРОК

Участковый зоотехник
с бычком в уголке рта
к зверку повадился.
Зверистость в этой местности
невысокая.
Зверь здесь большей частью
копытчатый.
А зазноба зоотехника
лапистая: с ноготками и пальчиками.

Зоотехник
в синем прорезиненном плаще
зоотехническими мероприятиями манкирует.
Словно лекций в техникуме
о разведении, кормлении и правильном использовании
сельскохозяйственных животных не конспектировал
и зачёта по основам зоотехники
не сдавал.

Студентом на практике
ловко ставил он поставушки
на соболя, выхухоля, ласку
А тут сам в капкан попался.

В прорезиненном бездонном кармане
носит он приваду возлюбленной:
рафинад с ворсинками,
семечки в табачных волоконцах.

Животновод зооветпункта,
лесной техник,
соболёвщик
косятся на участкового:
степень вытертости шёрстки
на мордочке и вдоль позвонков зверушечьих
подозрительна.

Но когда их нет,
участковый на зверка выходит
врукопашную.
Сперва кормит его притравой,
поглаживая.
После зубки ему чистит пальцем,
примурлыкивая.
А как шкурка рыжая взопреет,
зоотехник сует зверка под мышку.

Так сидит зоотехник на табурете,
в прорезиненном плаще,
с бычком липким,
а душа его поет и тело
подпевает ей

Вечно грудь и спина зоотехника
сквозистыми тропками иссечены.
Так что воет жена его в ревности
и лицо себе в кровь
царапает.

Услыхал бы этот вой
ученый Павлов,
отрицавший право зоопсихологии
на существование,
может, призадумался бы,
усомнился б.

В этой местности
очажок зооморфизма:
участковый боготворит
зверка Венеру.
Ремневидной перевивкой
рукописной
сплелся он со зверком
необыкновенным.
Звероломством, звероимством, зверонравием -
как угодно эту связь назовите, -
но когда зверок
в подмышку вгрызается,
у любви пламенеют ланиты.

БЕЗЗАЩИТНАЯ РЕАКЦИЯ

Он видит в зеркале,
как она одевается.
Спасибо колготкам -
медленно,
гибко.

Он счастлив:
процесс одевания
косвенно подтверждает,
что пять минут назад
она была раздета.

Пора.

- Встретимся в шесть, -
говорит он, -
возле бывшего гестапо.

Почему она изменяла своим мужьям?
Разводилась, а после
изменяла тем,
с кем прежде изменяла мужьям?

Почему ждала ребенка
от мужчины,
с которым не хотела жить,
и он среди бела дня на улице
ударил её по лицу?
Почему с легкостью
переспала с другим мужчиной
и после с такой же легкостью
оборвала эту связь?
Почему жила с мужчиной,
рядом с которым
он начал бы зевать
на второй минуте?
Почему он не любит её жизни,
но любит её?
Почему она не совпадает
со своей жизнью,
а если совпадает,
то значит ли это, что
он ровным счётом
ничего не понимает?
Почему он не смеет
задать эти вопросы,
и они испепеляют мозг
так, что в его присутствии
особо чувствительные люди робко спрашивают,
не почудился ли им запах гари

Он трогает рукой
свое лицо, губы.
Нет, не может быть.
Следы таких поцелуев
можно встретить
только в “Тёмных аллеях”
Ивана Бунина.

Не говорите,
Петер все-таки
джентельмен:
на следующий день
цветы Вам прислал.
А вот тот, немец стоеросовый,
Клаус, кажется?
Ну, Вы с ним на лекции
по оккультной медицине познакомились,
Вы его даже в дом пустили,
уговорили себя,
что смешной, а не стоеросовый,
а он -
нет, чтоб пол,
ну хоть четверть слова
о любви,
нет, в лоб сказал:

- Готов с Вами регулярно это делать.
Да что с Вами?
Детка, вот, вот вода,
выпейте,
да, а Петер все-таки
джентельмен:
перед ним я шляпу снимаю.

Её репутация лакомки,
ещё точнее, обжоры,
просто-таки прорвы
оправдывается.
И это ему на руку.
Он, наконец-то,
понял,
как удержать её:
всегда быть вкусным.
Разве не
причмокивала она
только что,
уминая
последнюю дольку
его губ?

Она говорит,
что любит отели и рестораны.
Пусть скажет другому.
Он знает,
у него была такая.
Тоже любила
отели и рестораны.
Все любила,
лишь бы не
оставаться с ним
наедине,
куда угодно,
лишь бы на людях,
лишь бы не слышать
его глаз,
его рук.

Знаете,
меня интересуется
ткань любви,
её, ткани, непрочность.
Есть такие ярлычки на одежде:
стирать только руками
или
гладить утюгом до 40*.

Да, гладить руками,
но избегать перегрева, тем более
не доводить до каления.
Нет, правда,
Вы меня не интересуете,
хотя и волнуете.
Но вот ткань, ткань...

- Почитаешь Ваши стихи,
почитаешь,
и поверишь, что я - блядь. -
Говорит она.
- Любовь моя, -
отвечает он, -
у поэзии повышенная температура,
учащённый пульс,
к тому же,
представьте себе,
что Петера
снова вызывают из Гамбурга
в наш офис,
вот и считайте:
под одной невысокой крышей,
в одном нешироком коридоре -
по меньшей мере, трое,

мягко говоря,
переспавших с вами.
Ну что вы на это скажете?

Всё же
некоторые ночи
куда нежней
прочих.
Особенно вон та,
скорее, половина её,
острая и короткая,
на краю
Мюнхена.

Врач спрашивает,
что мучит её друга.
Она отвечает:

- Обилие мужчин в моей прошлой жизни,
по крайней мере, ему кажется, что их было много.

Врач говорит:

- Ну что вам посоветовать... Как можно реже
упоминайте мужские имена, любые. И,

когда он вас обнимает... это случается?

- Да, да.

- Так вот, попробуйте

во время объятий

называть его “единственный”, “неповторимый”.

КРОТИНОЕ

Она не видит:

его валькового тулова, короткой шеи,
лап с вывороченной наружу ладонью,
переразвитой грудной клетки,
зачаточных глаз, затянутых плёнкой.

Он не видит:

её тонкой скуловой кости,
меха из чёрного бархата,
продолговатых утлых лопаток,
кистей с громадными когтями,
выдерживающими сравнение
с самыми современными лопатами, свежего чернозёма
под этими когтями,
рудиментарных глаз.

Я не вижу:

как она царапается о ежуху,
чтоб он занюхал ей царапину,
как он тычется хоботком
в её запавшее ухо,
прикрывает её зонтом
от дождевых червей,
протягивает в лапе
совок, щелкунов, личинок,
проворно бегаёт за ней
по свежесрытым ходам
и догоняет.

Все знают:

об их роющем образе жизни,
неугомонной почвообразовательной деятельности,
их неуживчивости, хищности, прожорливости.

О них сказано:

в широком смысле -
приспособившиеся к подземному быту
млекопитающие.

Ладно, а в узком?

Она им не надышится,
Он на нее не наглядится.

“...когда он её бросил,
она так убивалась,
что вечерами
я звонила ей
и молчала в трубку.
При встрече
она шептала:
- Он снова звонил,
но молчал.
А я слушала её
и тоже молчала...”

- За что, за что
Вы меня так мучаете?
Вы думаете,
я не вижу
Ваших брезгливых глаз
в темноте?
Вы что хотите,
чтоб я Вам душу
открыла?
Да Вам же будет хуже!

Пока её соленая душа
пополам с тушью
стекает по щекам,
он думает:
“Да, хочу.
Слыхано ли: с закрытой душой...
Да разве кто-то
где-то
когда-то
любил с закрытой душой!?”

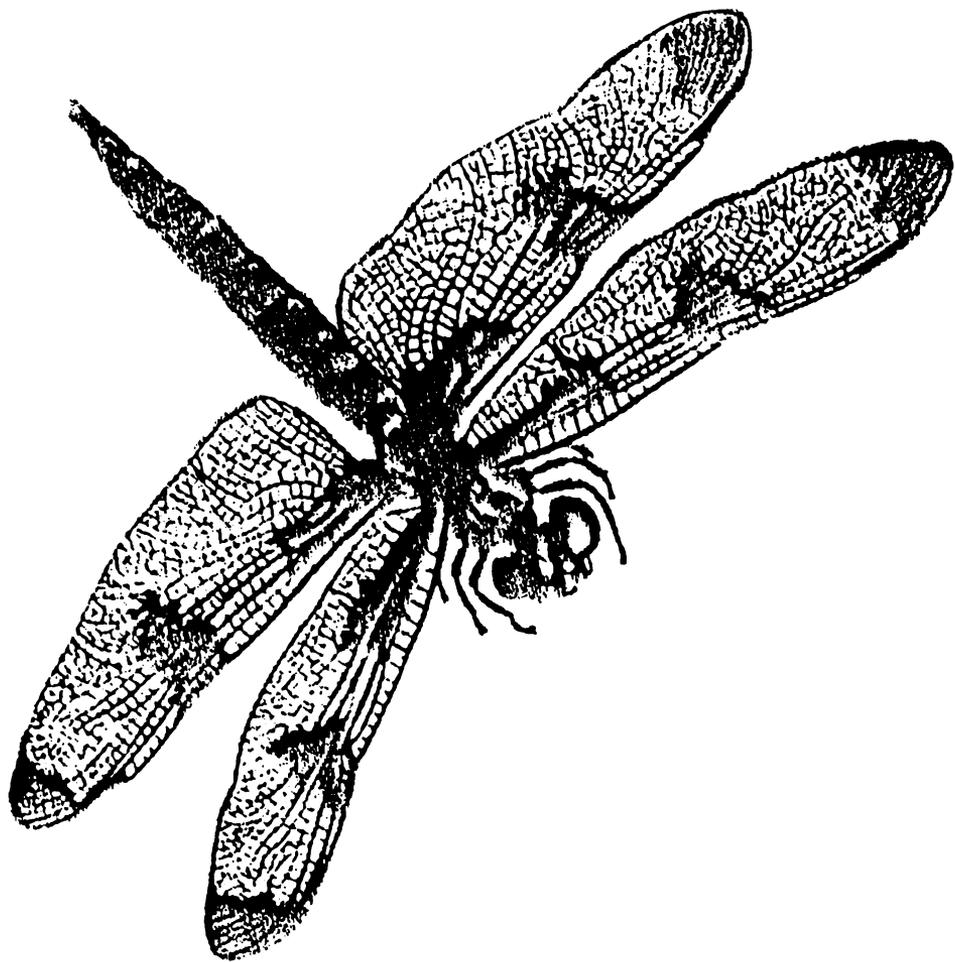
С чего это
“ты” сердечней “вы”?
Нет, никаких обмолвок.
За это “вы”
он будет стоять насмерть.
Хватит с неё
сердечных “ты”.
Что ещё “единственного”,
“неповторимого” у него остаётся?
Ну, разве что
две - три пары
припухлостей,
которые он выследил пальцами,
путешествуя вдоль
облака с золотым сечением...

Впервые я увидел её в зоопарке.
Мне было пять.
Ей - пятьсот.
Её держали в отдельной клетке.
Помню испуг,
душу в пятке,
жжение в сандалиии.
Мне прочли,
что родом она из Египта,
но имя - греческое,
что живёт она в Гелиополе.
Я с безразличностью смотрел
на подпаленные солнцем крылья,
на бесстрашные круглые зрачки.
Но возненавидел её много позже,
лет в девятнадцать.
Тогда я жил, не отрываясь
от темы глаз
на лице одной женщины,
но умом понимал,
что любовь - это хитрая и жалкая
птица феникс.

Да если бы
он только взглянул
в её "семейный альбом",

где что ни снимок -
то тщетное усилие,
робкая надежда
что-то там выстроить,
склеить,
какой-то полумуж,
подруга за границей,
довоенная мама,
он бы
упал перед ней на колени
и в слезах
молил о прощении.

Внезапно и сызнава
ему открылись
все смыслы любви,
ясные и обжигающие.
Пока она болела,
а он ходил за ней,
ткань любви
незаметно вылиняла, слежалась.
Но стоило ей выздороветь,
как внезапно и сызнава
нахлынуло,
вспыхнуло.

Почему стрекозы?
Да потому,
что их смысл прозрачен.
Потому,
что они на зависть мухам и бабочкам
перелетают моря,
ловко подогнув длинные ноги,
покрытые щетинкой
и увенчанные трёхчленистыми лапками.
Да хотя бы потому,
что одну из них можно схватить
брюшными придатками за шею
или за голову
и летать с ней до тех пор,
пока она не подогнет
кончик своего брюшка
к нужному - тебе - месту.
Да в конце концов потому,
что с такой можно пролетать
всю жизнь...

Художник Виктор Пивоваров

Инициатор издания Ив. Толстой

Urbi

Литературный альманах

издаваемый

Владимиром Садовским

под редакцией

Алексея Пурина и Кирилла Кобрина

выпуск двадцатый

Игорь Померанцев родился в 1948 году в Саратове.

С 1978 года живет за границей

(Лондон, Мюнхен, Прага).

Работает на радио (Би-би-си, «Свобода»).

Автор книг стихов и прозы «Альбы и серенады»,

«Стихи разных дней», «Предметы роскоши»,

«По шкале Бофорта», «News»

и радиопьес «Вы меня слышите?»,

«Любовь на коротких волнах»,

«Любимцы господина Фабра».

Главные журнальные публикации

в «Синтаксисе», «Октябре»,

«Urbi», «Итогах».

Лауреат премии им. П. А. Вяземского (1996)

